

Ольга Карпович

**Последняя дочь
Фараона**

Ольга Юрьевна Карпович
Последняя дочь фараона
Серия «Королева Стамбула», книга 2
Серия «Под небом Стамбула»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Любовь и месть – захватывающая история хладнокровной преступницы по прозвищу Фараонша.

Ольга Котова, одна из главарей международного наркобизнеса, по-настоящему влюбилась, и это взаимно. Но что сулит любовь матерой преступнице? На пути к простому женскому счастью – сплошные препятствия: криминальные разборки, коварный полковник спецслужб Олег Рогов, одержимый идеей фикс – поймать Фараоншу, и, конечно, справедливая месть убийце родителей. Как уберечь самых близких во всей этой круговерти? И будет ли счастливый конец любовной истории?

Содержание

1.	4
2.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ольга Карпович

Последняя дочь Фараона¹

1.

Кортеж из черных автомобилей приближался к азербайджано-турецкой границе. За окном тянулась серая пыльная полоса шоссе, вставали по обочинам горы, поросшие густым зеленым лесом. Впереди уже маячил пограничный пост. Николас смотрел то на проплывающий мимо южный пейзаж, то переводил взгляд на спокойный тонкий профиль Ольги, и его не покидало ощущение, что, возвращаясь в Турцию, они совершают огромную ошибку.

Прошло почти два года с того грозового вечера, когда они бежали оттуда на вертолете. Два года, с тех пор, как он принял решение, после которого его жизнь изменилась навсегда. Он до сих пор не был уверен в том, что сделал тогда правильный выбор. И все же жалеть о том, как поступил, не мог, все его существо восставало против этого.

Нет, он по-прежнему оставался противником насилия, человеком, привыкшим верить в непреложность законов, ненавидящим наркоторговцев и бандитов всех мастей, но...

Но.

Все убеждения меркли, когда в памяти вставали воспоминания.

нания об этих двух годах. Расплавленное солнце на серых скалах, окаймляющих крохотную скалистую бухту неподалеку от города Ситии на греческом острове Крит, где они с Ольгой обосновались после бегства. Бирюзовая ласковая вода в лагуне. Ольга, осторожно ступающая босыми ступнями по камням, входящая в воду и ежащаяся от летящих на кожу брызг. Все это так напоминало Микonos, то время, когда их знакомство не было еще омрачено кровью и пороховой вонью. Когда Ольга оставалась для него загадочной и пленительной незнакомкой, а сам он был беспечным молодым прожигателем жизни, выросшим в обожающей его семье и никогда не сталкивавшимся с болью, несправедливостью и преступлением.

– Пстой! – кричал он, увидев, как она вскидывает руки и складывает их «лодочкой» над головой, готовясь нырнуть. – Подожди меня!

А Ольга оборачивалась – дивные бледно-золотые волосы ее взвивались волной, в зрачках блестели осколки солнца – и, смеясь, отзывалась:

– Не догонишь!

И, оттолкнувшись ногами от дна, сложившись почти пополам, плавным движением уходила в бирюзовую воду. Николас на бегу сбрасывал сандалии, поднимая тучи брызг, врвался в пенящиеся волны, нырял и вглядывался в подводный мир, следя, не появится ли поблизости силуэт стройного сильного тела. И, уловив движение слева от себя, взры-

вая руками толщу воды, двигался туда, ловил Ольгу, прижимался губами к ее соленым губам. Задыхаясь, они всплывали на поверхность, и здесь тоже не могли разомкнуть рук, вцеплялись друг в друга, как помешанные, исступленно гладили мокрые гладкие тела, погружали пальцы в волосы. Казалось немыслимым, что такое счастье – чистое, полное, глубокое – может строиться на чьей-то крови и несчастье.

– Я люблю тебя, – прошептал он как-то раз, когда они лежали на камнях, отдыхая после привычной морской погони и борьбы в волнах. Борьбы, в которой наградой являлось поражение.

Ольга приоткрыла глаза, острый взгляд блеснул из-под полуопущенных век.

– За что? За то, что не убила тебя тогда?

Он смутился. Наверное, отчасти это была правда. Теперь, когда он знал историю Ольги, знал о ее образе жизни, бизнесе и его законах, то, что она не спустила курок в тот день на вилле, казалось действительно выдающимся поступком. Он по собственному легкомыслию влез в ее жизнь, едва не погубил дело, казавшееся ей важнейшим – отомстить за смерть родителей, а она оставила его в живых. Безжалостная Фараонша, привыкшая, не колеблясь, избавляться от любого, представляющего опасность человека, не смогла выстрелить в него. Почему?

– А ты почему? – спросил он в ответ. – Почему не выстрелила?

– Ты слишком хорош собой, мой дорогой, – отшутилась Ольга. – Я умею ценить красоту, жаль было бы испортить такое совершенство.

Он подкатился к ней поближе, подмял под себя, шалея от жара ее разгоряченного солнцем тела, от уже ставшего родным запаха, от кристалликов соли на коже, жегших губы.

– Скажи правду! – выдохнул он, целуя ее, ласково сжимая в ладонях голову. – Ответь мне!

И Ольга, уже тяжело дыша, извиваясь под ним, прошептала:

– Я... Я, наверное, никогда не смогу причинить тебе вред, Николай.

Ольга не любила и не умела говорить о чувствах, это он давно понял. Так же, как не любила говорить о себе. Только ночью, когда, изможденные любовными схватками, они лежали в темноте, соприкасаясь телами, и легкий ветерок, налетавший с террасы, охлаждал влажную от пота кожу, только тогда ему иногда удавалось задать волновавшие его вопросы и получить от нее ответы. Ольга говорила мало, скупно, обычно старалась рассказать о ситуации с юмором, но Ник ясно видел то, что скрывалось за ее короткими ироничными репликами.

Видел маленькую девочку, разлученную с родителями в таком раннем возрасте, что у нее почти не сохранилось о них воспоминаний. Видел восьмилетнюю Олю, на глазах которой жестоко убивают отца и мать, которых выдала бан-

дителям ее родная тетка, она же мачеха, «мама Люда». Видел одинокого подростка, получающего дома лишь упреки и побои и бредящего биатлоном, как единственной возможностью добиться от мира уважения, признания и свободы. Видел раненую Ольгу в больнице, куда наведывается ушлый Порох и, выдавая себя за доброго дядюшку, переживающего за дочь старого друга, заманивает ее в свои сети. Видел, как некогда обиженный Ольгой парень из команды, некто Олег Рогов, которого она даже вспомнить не могла, бьет ее, только что потерявшую подругу, раздавленную этим горем, чтобы поквитаться за старое оскорбление. Видел и всю последующую круговерть событий, приведших к тому, что Ольга стала такой, какой он ее узнал. И понимал, что не ему, золотому мальчику, человеку, чья предыдущая жизнь походила на глянцевый рекламный буклет, судить ее.

Он теперь уже знал, что Ольга – бесстрашна до безрассудства. Умна и хитра, как змий. Решительна и жестока. Трудно сходится с людьми и почти никому не доверяет. Но, вместе с тем, стоит ей однажды назвать человека своим, принять его в свою стаю, и она, не задумываясь, пожертвует ради него жизнью. Это был непонятный ему, черно-белый мир, состоящий из небольшой горсточки своих, и огромной массы чужих. И все чужие в нем являлись потенциальными врагами. Как его угораздило попасть в круг «своих» для Фараонши, он и сам до конца не понимал. Но осознавал, что пути назад нет. И дело даже не в том, что Ольга убьет его, реши он ее

предать. Нет, дело в том, что это предательство, предательство своего, того, кого подпустили вплотную, кому доверили самое сокровенное, уничтожит ее. А этого он допустить не мог, теперь уже не мог.

– Что будет дальше? С нами? – как-то раз спросил он Ольгу.

Вечер был тихий. Над морем разгорался закат, будто кто-то опрокинул на голубую скатерть стакан Бордо. Ольга уютно устроилась в кресле на террасе их небольшого одноэтажного дома. Ник только что принес из спальни шаль и набросил ей на обнаженные плечи. Вышколенная охрана где-то там, на подъезде к бунгалу, охраняла их покой.

– Дальше? – Ольга укуталась в шаль, удержала его руку у себя на плече и благодарно поцеловала костяшки пальцев. – Я рада, что ты спросил. Нужно разобраться с этой ситуацией. На тебя у полиции ничего нет, я узнавала. Только запись с видеокамеры на входе в виллу. Но это ерунда, это можно будет опротестовать. Хороший адвокат...

– Я не об этом, – перебил Николас. – Как мы с тобой будем жить дальше?

Эти дни на Крите казались волшебной сказкой. Каникулами, в которые им удалось вырваться из жутковатого мира, с которым Николас успел пока соприкоснуться только слегка. И все же того, что он видел, было достаточно, чтобы понимать, что навсегда эта безмятежность растянуться не может.

Лицо Ольги омрачилось, будто легкая тень облачком пробежала на идеальные черты.

– Что касается меня, – ровно произнесла она, не глядя на Николаса, рассматривая гаснущие на подернутой легкой рябью поверхности моря краски заката. – Я выжду, когда в Турции все утихнет. Переворот, который пытались устроить военные, чтобы сместить действующего президента, не удался. Беспорядки рано или поздно закончатся, скорее всего, года через два – три. Раньше мне в Стамбул не вернуться. Значит, придется пока обосноваться где-то неподалеку. Думаю, в Баку... Да, так будет удобнее всего.

– Почему удобнее? – спросил Ник. – И зачем тебе потом возвращаться в Стамбул?

– Ну, для начала, я гражданка Турции, – улыбнулась Ольга. – И бизнесом мне удобнее всего управлять из Стамбула. Это сейчас мне пришлось залечь на дно, но ведь так не будет вечно. А пока попробую порулить из Азербайджана. Это не такое удобное место, как Турция, но все же близко к основному пути наркотрафика. Рядом Иран, Афганистан, можно держать руку на пульсе...

То, что она никак не обозначила его присутствие в своей будущей жизни, неприятно задело.

– А я? – задал вопрос Николас.

– А ты... Ты волен сам решать, как тебе жить. На мой взгляд, тебе стоит прямо сейчас, отсюда, обратиться к родителям, объяснить, что ты не похищен, что тебе ниче-

го не угрожает, но вернуться ты пока не можешь. Наверняка у вашей аристократической семьи есть свой адвокат. Есть же? Думаю, стоит поручить это дело ему. Уверена, он сможет добиться того, чтобы видео с камеры не приобщали к расследованию, как улику. Если твои родители успели дать какие-то показания – а они могли это сделать, если их застигли врасплох, если воспользовались их шоковым состоянием от пропажи единственного сына – адвокат их опротестует. На все это уйдет несколько месяцев, но, когда дело будет улажено, ты сможешь вернуться и поселиться, где захочешь.

– То есть того, что я тебя сдам, ты уже не боишься? – поддел Николас.

Ольга прямо посмотрела на него:

– Нет, уже не боюсь. А что, должна?

Он опустился на каменный пол у ее ног, взял в ладони ее руки, поднес их к губам. Играя, слегка прикусил косточку у основания ладони.

– Ольга, послушай меня... Только не смейся! Ты ведь можешь покончить со всем этим, бросить свой чертов наркобизнес, никогда не видеть больше эти убудочные рожи. Я же знаю тебя, знаю, что ты сильная, благородная натура, что тебе необходимость общения с этими упрямыми, которые насилуют несовершеннолетних девчонок и жестоко расправляются со своими врагами, не доставляет удовольствия. Ты не такая, как они.

– Серьезно? А я думала, я чудовище, – поддела Ольга.

Но Ник не дал сбить себя с толку:

– Продай свою долю, избавься от фирмы грузоперевозок.

Чтобы все это осталось в прошлом. Подумай, ведь мы могли бы уехать в Англию, вместе. Поселиться в моей Лондонской квартире. Сделать тебе новые документы, изменить личность, чтобы никто тебя никогда не нашел. С твоим огромным опытом, ты сможешь заняться любым легальным бизнесом. И тебе не придется больше выбивать долги, бояться конкурентов и полиции. Даже если ты захочешь до конца жизни остаться домохозяйкой, денег нам хватит, я тебе обещаю.

– Думаешь, мне стоит наложить лапу на богатства семьи Казантакис? – рассмеялась Ольга.

Николас говорил так искренне, совершенно не понимая, что все, что он предлагает – не реально. Ее все равно найдут, а, главное, найдут его. Возьмут в заложники, будут пытаться и высылать ей его по частям. Она никогда не сможет со всем покончить хотя бы ради того, чтобы не подставить его.

Опустив руку Нику на макушку, она взъерошила ему волосы. Затем наклонилась, вдохнула их запах и прижалась губами к его виску.

– Ник, милый, дело не в деньгах. Это тот бизнес, из которого невозможно уйти. Разве что – на кладбище. Слишком многие хотят меня убить, слишком многим я в свое время перешла дорогу. Я повязана с представителями мафиозных

семей, с крупнейшими бизнесменами, с политиками. Стоит мне только на минуту отпустить вожжи, и меня тут же не станет.

Николас вздрогнул и потянул ее к себе. Ольга соскользнула с кресла на пол, в его горячие жадные руки. Обхватила за шею, прижалась крепче.

– Этого не будет, – шептал Ник, покрывая поцелуями ее шею и плечи. – Не будет! Я смогу тебя защитить. Я научусь, я что угодно сделаю...

– Я не сомневаюсь, дорогой мой отважный Ник, – отвечала Ольга. – Но чтобы ты мог меня защитить, ты сам должен быть свободным. Свяжись с семьей, обратись к адвокату, чтобы выпутал тебя из этой передраги. А потом уже будешь решать, где тебе жить и чем заниматься. Только... не уезжай сразу, побудь со мной еще немного.

– Я никогда и никуда от тебя не уеду.

Ник подхватил ее на руки, легко поднялся с пола и шагнул с террасы в спальню. Так всегда и заканчивались их попытки обсудить будущее.

Он действительно позвонил матери. Они с Ольгой специально отошли подальше от арендованного дома, остановились на высоком пустынном мысу, где густо росли оливы, отливая матово-зелеными листьями под солнцем, а внизу ласкалось к скалам море. Ольга помудрила с телефоном, подключаясь к спутнику через код, чтобы нельзя было отследить, откуда сделан звонок. Затем отдала его Николасу и ото-

шла на несколько шагов, чтобы не мешать ему.

– Мальчик мой! Ники, – через минуту уже всхлипывала нечетко видимая на экране мать.

– Мама, послушай! – Ник старался говорить спокойно и уверенно, чтобы и мать зарядить тем же настроением.

Он сам ужасно по ней соскучился. По ней и, конечно, по отцу. Но для общего блага сейчас нужно было не поддаваться эмоциям и действовать.

– Мамочка, я жив, здоров, со мной все хорошо. Но дома я появиться пока не могу, меня тут же схватит полиция. Пожалуйста, вызови мистера Уокера, нашего семейного адвоката. Нужно, чтобы он опротестовал то видео, на котором якобы я... – и Николас озвучил матери все, что говорила ему Ольга.

Та в продолжение разговора стояла в отдалении, глядя на шумящий далеко внизу прибор. И Николас любовался игрой солнечных бликов на ее стройной спине, на выступающей из выреза белой футболки загорелой шее.

– Николас, сынок, где ты? – взволнованно перебила мать. – Это похитители заставляют тебя говорить? Это их идея?

– Мам, – Николас постарался вложить в слова весь свой дар убеждения. – Меня никто не похищал. Я здесь добровольно. Пойми, я по неосторожности вляпался в историю, и чтоб все замять, необходимо подключить адвоката.

– Ники... – мать замаялась. – У нас был полицейский чин

из России, и я... Я рассказала ему все. Он убедил меня написать заявление...

Он увидел, как мгновенно напряглась вся Ольгина фигура. Вытянулась в струнку спина, застыли плечи. Она обернулась, оставаясь все так же невидимой для камеры смартфона, сверкнула глазами, выругалась:

– Чертов Олежек! – и четко, громко, так, чтобы мать услышала, произнесла по-английски. – Адвокат должен опротестовать показания. Сказать, что они были даны под давлением, что Рогов воспользовался шоковым состоянием родителей. Наверняка он не оформил все официально, по всем правилам. В России на это традиционно забивают. Опротестовать показания и отозвать заявление.

– Кто это говорит? – вскинулась мать. – Николас, что это за женщина?

– Мама, ты поняла, что нужно сделать? – мягко прервал ее он. – Пожалуйста, обратись к Уокеру, выполни то, о чем я тебя прошу. Иначе меня арестуют как соучастника убийства. Прошу тебя, мама, мне больше некого попросить. Только ты можешь спасти ситуацию.

Николас, любимый балованный сын, конечно, знал, какие подобрать слова, чтобы мать не смогла ему отказать. И не сомневался, что миссис Бериша, как бы ни претила ей такая линия поведения, сделает все, о чем он просит. Он сбросил звонок, протянул Ольге аппарат. Та подошла ближе, взяла телефон из его рук, отключила связь. Качнула головой:

– Проклятый Рогов. Двадцать лет я не даю ему покоя. Ты подумай! От какого поклонника дождешься такой верности? Все же ненависть преданнее любви.

– Вот здесь ты ошибаешься, – возразил Николас.

Поднялся с камня, на котором сидел, разговаривая с матерью, и обнял Ольгу. Исподтишка расстегнул заколку, удерживающую узел на голове, и золотые волосы рассыпались, упали дождем. Николас погрузил в них руки, уткнулся лицом в прохладные шелковые пряди, хмелея от их медово-солнечного запаха.

– Тебя просто никто еще не любил по-настоящему.

И Ольга кивнула в ответ.

– Это правда.

Время на острове текло неспешно и размеренно, напоенные солнцем дни струились, будто медовая патока. Николас, неожиданно оставшийся без привычных дел, быстро нашел, чем занять себя. Вспомнив науку отца, много возившегося с ним в детстве, отправлялся на рыбалку, выуживал из воды крупных отливающих перламутром рыбин, остро пахнущих морскими глубинами моллюсков. А вечером готовил дневной улов, приправляя его оливковым маслом и ароматными травами. И получал огромное удовольствие глядя, как Ольга с наслаждением ест его стряпню.

Почему-то от этого теплело на душе. И казалось, что такая простая естественная жизнь по-настоящему возможна

для них. Он может достать пищу, может накормить свою женщину. Что еще нужно?

И все же, как бы ни был прекрасен, головокружителен, страстен этот их затянувшийся медовый месяц, Николас знал, чувствовал всей кожей, что рано или поздно все изменится. Не может не измениться. Ольга не захочет и не сможет до конца жизни расслабляться на острове. Однажды, как только ситуация в Турции стабилизируется, она вернется и снова вплотную займется своим опасным кровавым бизнесом. Нельзя забывать и о ее навязчивой идее отомстить за смерть родителей. Идее, владеющей ею так же неотступно, как Роговым – идея поймать саму Ольгу. О ней она тоже не забудет. А он... Судя по сообщениям, доходившим из Лондона, мать послушалась его и обратилась к адвокату, и тот начал действовать. А, значит, через некоторое время Николас сможет вернуться. Если, конечно, захочет. А захочет ли он?

И однажды все действительно изменилось. Однако, совсем не так, как представлял себе Николас.

В один из дней они с Ольгой отправились кататься на лодке. Намеревались добраться до маленькой закрытой со всех сторон высокими скалами бухты, куда нельзя было спуститься с берега.

Море было спокойное, поверхность воды подергивала лишь легкая рябь. Солнечные лучи плескались в волнах, за-

жигая в них разноцветные искры. Ольга села на корме. Николас, закатав легкие летние брюки, ступил в воду, оттолкнул лодку от берега, запрыгнул в нее, перемахнув через борт, и взялся за руль.

Лодка плавно скользила по морю. Мотор слушался исправно. Вдалеке, на горизонте, виднелся окутанный солнечным маревом силуэт какого-то судна. Ольга, рассеянно улыбаясь, смотрела на Николаса, изредка отмахиваясь от летевших в лицо мелких брызг.

– Какие новости из Турции? – спросил Николас.

Он знал, что вчера вечером приехал Иван – правая рука Ольги, которого она отправляла куда-то с поручениями. Ольга избегала говорить с ним о бизнесе, но Николас понимал, что пока она прячется здесь, ситуацию держат под контролем те немногие люди, которым она может доверять.

– Бунт уже подавлен, – отозвалась Ольга. – Но беспорядки пока продолжают. Иван прощупал почву насчет переезда в Баку и говорит, что это можно будет устроить.

Она замолчала, откинула голову и закрыла глаза. Она и вообще была сегодня странная, апатичная какая-то, вялая... Раньше Николас за ней такого не замечал. И это необычное состояние Ольги будто подзуживало его дергать ее, задавать неудобные вопросы, которые заставят ее выйти из этого отстраненного созерцания.

– Значит, ты все решила?

– Николас, мы ведь уже не раз это обсуждали... – устало

отозвалась Ольга, не открывая глаз.

Может быть, ее просто разморило на солнце? Или он наскучил ей? Надоел, и она ищет повод от него избавиться? Поэтому и посоветовала ему подключить адвоката и снять претензии полиции?

– Обсуждали... Но ты не хочешь меня слышать.

– А ты – меня, – спокойно отбрила Ольга. – Послушай, я ведь не вынуждала тебя следовать за мной. Ты был свободен, я тебя отпустила...

– А ты и сейчас меня отпускаешь, – едко заметил Николас. – Ты все время меня отпускаешь. Поневоле задумаешься, что ты только и жаждешь от меня избавиться.

– Поворачивай! – внезапно жестко сказала Ольга.

Впереди уже виднелся горный отрог, за которым должна была открыться бухта. Николас замер.

Что произошло? Он все же вывел своими вопросами Ольгу из ее странного состояния? Разозлил? И что теперь? Она выставит его прямо сейчас? Скажет собирать свои вещи, ехать к мамочке и не осложнять ее и без того непростую жизнь?

Он пристально взглянул на Ольгу и внезапно заметил, что та побледнела. Бледность проступила сквозь смуглую от загара кожу, обесцветила губы. Ольга, до сих пор расслабленно полулежавшая на корме, выпрямилась, прижала пальцы ко рту.

– Что с тобой? – всполошился Николас, тут же забыв

обо всех претензиях. – Тебе нехорошо? Голову напекло? Укачало?

– Поворачивай, – едва слышно повторила Ольга, голос ее был едва слышен сквозь стрекот мотора.

И Николас испугался. Едкий страх поднялся откуда-то изнутри, отравил кровь, заставил сбиться дыхание. За последние месяцы ему не раз доводилось бояться. Но этот теперешний страх не имел ничего общего с чувствами, испытанными ими на вилле русского бандита и в гостевом доме в Стамбуле. Там он боялся за свою жизнь, теперь же, кажется, впервые осознал, что означает бояться за другого – за человека, чье благополучие значит для тебя много больше, чем твое собственное. Николаса обдало холодом, затем бросило в жар. Мозг, словно нарочно, принялся подкидывать жуткие картинки – Ольга, всегда такая сильная, выносливая, бьется в непонятном приступе и умирает, умирает у него на руках. А он ничего не может сделать здесь, посреди открытого моря.

– Подожди!.. Держись!.. – лихорадочно забормотал Николас.

Он попытался вспомнить краткий курс оказания первой помощи, который проходил перед тем, как впервые отправиться в экспедицию. Археологов частенько заносило в такие отдаленные уголки планеты, откуда добраться до медиков было непросто.

Николас торопливо содрал через голову футболку, пере-

гнувшись через борт, окунул ее в море. Вода была теплая, но так все же лучше, чем ничего. Жаль, нет ветра, он бы охладил мокрую ткань. Выжав футболку, Николас шагнул к Ольге. Лодка качнулась, и та вдруг дернулась, наклонилась над бортом, и ее вырвало в воду.

– Спокойно, спокойно... Все хорошо... Я помогу... – приговаривал Николас, сам не зная, кого он убеждает, Ольгу или себя, отчаянно пытаюсь унять разыгравшийся внутри страх.

Зачерпнув воды, он отер ладонью ее лицо. Обмотал голову мокрой футболкой. Не оборачиваясь, нашарил на дне лодки сумку и вытащил из нее бутылку воды.

– На, попей!

Сделав несколько глотков, Ольга отвела бутылку от лица и прошептала:

– Николас, не бойся. Со мной все в порядке. Просто... мне нужно на берег.

– Да-да... Сейчас...

Он удобнее устроил ее на корме, снова смочил футболку и прикрыл ею Ольгину голову и, усевшись за весла, быстро повел моторную лодку обратно, туда, где вскоре должен был появиться частный причал их арендованного на острове дома. Не вовремя разыгравшаяся фантазия продолжала подсовывать примеры жутких заболеваний, которые могли обрушиться на Ольгу, и от этих мыслей становилось дурно.

Как назло, море, до сих пор мирно ластившееся к при-

брежным скалам, решило вдруг взволноваться, вспениться острыми гребнями. Николас сильнее налегал на руль, чувствуя, как плохо слушается лодка, как ноют натруженные мышцы рук. Ольга вроде бы была в порядке, дышала ровно, но лежала, закрыв глаза, и оставалась все такой же бледной.

Когда впереди, наконец, показался знакомый залив, Николас едва не закричал от облегчения. И тут же вспомнил, что по местным извилистым горным дорогам врач будет ехать к ним не меньше двух часов. И неизвестно еще, можно ли вообще к нему обращаться, если они скрываются. Ладно, это он узнает. В конце концов, в доме есть Иван, он наверняка проинструктирован, что делать в таких случаях.

Когда лодка ткнулась носом в берег, Николас соскочил в воду, подхватил Ольгу на руки и побежал с ней в дом. Иван с его свирепой физиономией, будто на расстоянии чувствовавший свою хозяйку, как верный пес, встретил их у входа. Яростно глянув на Ника, которого, видимо, считал причиной всех бед, тут же подступил вплотную.

– Что с ней? Ранена? Огнестрел?

– Нет, она... Ей плохо стало в лодке. Я не знаю... – забормотал Николас, ненавидя себя за растерянность.

Неудивительно, что люди Ольги считали его никчемным приживалом.

– Со мной все хорошо, – неожиданно ясным голосом произнесла Ольга. Мягко высвободилась из рук Николаса и нетвердо встала на ступени крыльца. – Мне просто нужно

полежать немного. Николас, проводи меня в спальню.

Уложив ее в кровать и задернув шторы, он сбегал в ванную, принес стакан воды и решительно заговорил:

– Ольга, так нельзя. Нужно вызвать врача, понять, что с тобой такое. Может быть, в больницу.

– Я знаю, что со мной такое. Не нужно в больницу, – тихо, но твердо возразила она. – Ник, уверяю тебя, со мной все в порядке.

– Хватит! – гаркнул он. – Не держи меня за идиота!

– Николай, – позвала она. – Иди сюда. Присядь рядом со мной, пожалуйста.

Ее голос с русским акцентом, манера обращаться к нему сводили его с ума. Он опустился на край кровати, готовый в любую секунду вскочить на квадроцикл и мчаться за врачом, ехать хоть в самый Ираклион, поднять на ноги весь остров...

В спальне было полутемно, легко пахло лавандой и еще какими-то сухими травами. Ольга, утонувшая среди белоснежных перин и подушек, показалась вдруг маленькой и хрупкой. Впервые со дня их знакомства именно она нуждалась в защите, в помощи...

– Николай, милый, – повторила она.

И снова это «Николай», от которого у него мурашки бежали вдоль позвоночника.

– Я вынослива, как дьявол, ты же знаешь. У меня не бывает морской болезни. И солнечного удара не бывает. Я мо-

гу спать на голой земле и питаться подножным кормом, и на моем здоровье это никак не скажется.

– Но что тогда? – немедленно взвился он. – Что тогда с тобой такое?

И Ольга, коротко грустно улыгнувшись, отозвалась:

– Я просто беременна, вот и все.

* * *

Мистеру Бериша она понравилась, это Ольга поняла сразу. Пожилой албанец, увидев ее в холле Лондонской гостиницы, весь подобрался, расправил плечи и церемонно склонился к ручке:

– Я ослеплен, моя дорогая. Вы прекрасны!

От Ольги не укрылось, как старый ловелас исподтишка бросил Николасу восторженный взгляд и понимающе покивал. Что ж, пылкий мистер Бериша, некогда сам ставший жертвой порицаемой обществом любви и сумевший, несмотря ни на что, отвоевать свое счастье, должен был с пониманием отнестись к выбору сына.

С миссис Бериша-Казантакис, разумеется, ситуация обстояла иначе. Гречанка из аристократической семьи смерила Ольгу высокомерным взглядом, однако обратилась вежливо, тем самым лишней раз подчеркивая, что проявлять свои истинные чувства при какой-то приبلудной дворняжке считает ниже своего достоинства. Ольга же, не боявшаяся ни бога,

ни дьявола, не могла не испытывать некоторого трепета перед высокородной матерью Николаса. Слишком уж величава и классически красива, несмотря на преклонный возраст, была урожденная мисс Казантакис.

В Англию они с Николасом приехали, когда мистер Уокер, адвокат семьи Бериша, смог с уверенностью сказать, что все вопросы к Николасу сняты, и имя его в деле об убийстве беглого российского бандита больше не фигурирует. Ольга к этому времени была уже на сносях и, расценив риски, приняла решение рожать в Великобритании. В конце концов, в международном розыске она не находилась, если у безумного Олежека и была надежда, благодаря неожиданно вляпавшемуся в ее дела Николасу, натравить на нее интерпол, она не оправдалась. И в данный момент для Ольги качественное медицинское обслуживание было в приоритете, ради него она готова была даже пойти на небольшой риск – что офицеры пограничной службы привяжутся к ней при попытке пересечь границу.

Когда они прибыли в Лондон, наконец, состоялось ее знакомство с родителями Николаса, о которых она так много слышала еще в первые дни на Миконосе, и встречи с которыми подспудно опасалась. Сойдись они с Николасом при других обстоятельствах, Ольга сумела бы разработать убедительную легенду. Его семья узнала бы, что сын встречается с крупной бизнес-вуман, руководительницей транспортной компании, осуществляющей грузоперевозки по всему миру.

Может быть, эта связь и не обрадовала бы миссис Бериша, конечно, желавшую видеть сына рядом только с гречанкой из аристократического рода, но слишком яростно возражать против союза с богатой самостоятельной женщиной, владелицей прибыльного бизнеса, она бы не стала. Однако ситуация сложилась так, что родители Николаса с самого начала понимали, что Ольга связана с криминалом. Может быть, не представляли себе масштабов ее фигуры, но обмануть их и прикинуться невинной овцой, разумеется, не удалось бы.

Это было смешно и нелепо – женщина, без страха смотревшая в глаза бандитам и убийцам всех мастей, стрелявшая, не раздумывая, виртуозно ускользавшая от полиции, боится встречи с матерью своего... жениха? любовника? Узнав о беременности, Николас не раз предлагал ей выйти за него замуж, но Ольга только отшучивалась:

– И на ком конкретно ты собираешься жениться? На Ольге Котовой? Или на Ольге Дэвидсон, гражданке Турции? Или на Ольге Ямагути? Такой паспорт у меня тоже есть...

Объяснять, что просто не может выйти за него, потому что ее элементарно не поймут подельники, она не хотела. К тому же к этому аргументу примешивалось еще и соображение, что распишись она с ним по любому из существующих у нее паспортов, и она тем самым его подставит, превратит в идеальную жертву для любого своего недруга. Ольга понимала, что Николас, услышав об этом, примется возражать и доказывать, что он может за себя постоять. И не хотела

унижать его, давая понять, что не верит в это.

В общем, вопрос о том, в качестве кого рядом с ней находится Николас, оставался открытым. Сам же этот ее спутник неопределенного статуса успокаивал ее во время полета:

– Не переживай, мама во мне души не чаёт. Даже если бы я решил жениться на подзаборной наркоманке, она бы побушевала, конечно, но, в конце концов, смирилась.

– Что ж, радуется, что в глазах твоей мамы я все же рангом повыше подзаборной наркоманки, – фыркнула Ольга.

Она сама не понимала, почему ей важно, чтобы родители Николаса ее приняли. Никогда в жизни она не представляла себя частью чьей-то семьи, примерной женой и матерью. Весь опыт ее учил тому, что каждый человек – одиночка, которому не на кого надеяться и не перед кем отчитываться. Да, порой встречаются люди, которым с тобой по пути, вы вместе проходите тот или иной отрезок дороги, но затем кто-то из вас непременно свернет – либо они, либо ты. А, значит, нужно быть начисто лишённым инстинкта самосохранения, чтобы связывать с ними какие-то планы, надежды и душевные чаяния. Однажды ты все равно снова окажешься один, только еще и придавленный тяжестью разочарования и болью утраты.

И когда Николас неожиданно вернулся к ней в тот грозово-вечер и объявил, что останется с ней, кем бы они ни была, Ольга ни минуты не рассчитывала на то, что это положение вещей станет чем-то постоянным. Не загадывала на бу-

душее, не строила планов. Сегодня Николас пожелал лететь с ней, пусть будет так. А завтра... Завтра может произойти, что угодно. Он может передумать, может пожалеть о своем решении. За ней может явиться полиция, конкуренты, недавние бизнес-партнеры. В конце концов, спятивший Олечек Рогов может все-таки умудриться выследить ее и сцапать. Так чего ради морочить себе голову и строить долговременные прогнозы?

Ей пришлось на время залечь на дно, но, разумеется, бизнес не мог существовать без ее участия. И так кое-кто, обрадовавшись, что Фараонша исчезла с горизонта, уже попытался отжать себе лакомый кусок. Ольга отлично помнила тот день на Крите, когда вернувшийся Иван вместе со своими бойцами притащил к ней в дом Абдуллу, одного из ее людей, контролировавших поток наркотрафика на местах. По донесениям выходило, что Абдулла, воспользовавшись тем, что ее позиции ослабли, решил по-быстрому ее слить, переметнуться к конкуренту. С такими проблемами Ольга привыкла разбираться быстро и решительно. Нужно заставить урода слить информацию о том, кто пытался его перекупить, выдать все явки – пароли, а потом прикончить. Ничего необычного, ей приходилось делать такое тысячу раз.

Но теперь она была не одна, рядом всегда отирался Николас. И Ольга со страхом поняла, что боится снова предстать перед ним в грозном обличье Фараонши. Она никогда и не перед кем не склоняла головы, не извинялась за то, какая

она есть. Но сейчас все яснее осознавала, что перед Николаем хочет казаться лучше, добрее, милосерднее. А в ее бизнесе допустить, чтобы милосердие отравило твою кровь, было смертельно опасно. Не задавишь измену на корню, и против тебя восстанут все.

По счастью, в тот момент, когда доставили окровавленно-го, связанного Абдулла, Николас ушел на берег, на рыбалку. И разобраться с этим воющим куском дерьма нужно было до его прихода.

– Кто тебе заплатил? – коротко спросила Ольга, наставив на него дуло.

Кривоногий бородач забулькал, кое-как выговаривая по-русски:

– Отпусти, Ольга-ханум, наврали тебе. Никто мне не платил, клянусь!

Ольга в задумчивости смотрела на лебезившего перед ней таджика. Прострелить ему колено, чтобы память лучше заработала? Нельзя, получится шумно, долго и грязно. Вернется Николас, увидит эту мерзость...

– Я в последний раз тебя спрашиваю, кому ты пытался перепродаться? – негромко повторила она.

Абдулла снова залепетал какую-то чушь. Ольга сделала знак державшемуся в стороне Ивану. Тот отдал команду ребятам, и те быстро подскочили к побелевшему от осознания того, что сейчас произойдет, таджику, залепили ему рот, поволокли на улицу. Тот извивался и хрипел. Ольга держа на-

готовые пистолет следовала за ними.

Абдуллу оттащили за горный отрог, в пустынное место. Отвесные скалы не давали пробраться в ущелье случайным прохожим, решившим прогуляться по живописным горам. С воды к этому месту тоже было не подойти. Абудллу бросили на камни. Ольга присела на корточки, приставила дуло с глушителем к его виску и выстрелила. Башка предателя взорвалась кровавым месивом, ошметки слипшейся бороды прилипли к дулу.

– Приберись тут, – бросила Ольга Ивану и, на ходу обтирая и пряча пистолет, поспешила домой.

– Ольга, милая, где ты? – уже звал ее вернувшийся Николас.

– Я здесь, – отозвалась она не дрогнувшим голосом.

Он выбежал из спальни ей навстречу, загорелый, с влажными от морской воды волосами. И Ольга распахнула руки, успев в последнюю секунду вытереть забрызганные кровью пальцы о низ темной рубашки.

Николас так ничего и не узнал о том происшествии.

Случайная беременность нарушила привычный порядок мыслей. Ребенок... Это определено постоянная величина, которую теперь придется учитывать всегда. Даже если ее арестуют, даже если убьют, все должно быть устроено так, чтобы на ребенке это не сказалось. Она скорее сама сдастся властям, чем позволит, чтобы жизнь этого пока не рожден-

ного малыша повторила историю Оленьки Котовой. Вопиющей безответственностью в ее случае было вообще допустить, чтобы такое случилось. Она слишком расслабилась, растаяла от ласк Николаса, от безмятежной жизни на острове. И теперь, раз уж такое произошло, нужно было принять меры, чтобы будущий малыш оказался защищен со всех сторон, на случай любого развития дальнейшего сюжета ее жизни.

– Ты не рада? – спросил ее Николас в тот вечер, когда она призналась ему.

И Ольга честно ответила:

– Нет. Я не уверена, что мне вообще стоит иметь детей. К тому же...

– Что? – надавил Николас, когда она замешкалась с ответом.

– К тому же это означает, что теперь ты точно от меня не отвяжешься, – усмехнулась она.

Она знала Ника уже достаточно хорошо, чтобы уяснить, что он обладает очень четкими представлениями о человеческой порядочности. И своего ребенка не бросит никогда. А, значит, теперь они повязаны накрепко, и ей ни за что не удастся убедить его оставить ее и вернуться в свой нормальный мир.

– Не сомневайся, – фыркнул Николас. – Должен же кто-то научить пацана кататься на серфе.

– А ты уверен, что это будет пацан? – рассмеялась она.

Николас с потешно озабоченным видом приложился ухом к ее пока плоскому животу. Осторожно постучал по нему пальцами, снова прислушался и, наконец, пожал плечами.

– Не отвечает... Но да, надеюсь, что будет пацан. Потому что учить дочку наряжаться в красивые платья, танцевать и флиртовать в нашей семье точно будет некому.

«Семья», «дочка», «сын»... Эти слова были в применении к ней такими непривычными, что Ольга по большей части не находилась, что ответить. Ей еще предстояло привыкнуть к новому положению и тому, как оно влияло на жизнь.

К моменту приезда в Лондон маскировать под одеждой живот уже не было никакой возможности. И миссис Бериша, едва увидев их в холле гостиницы, уставилась на него так, словно увидела привидение. Ольга знала, что Николас говорил родителям о будущем ребенке, однако, наверное, гречанка предпочитала не думать об этом и только теперь, столкнувшись нос к носу с неприятной деталью, вынуждена была признать ее реальность.

Николас тепло обнял отца, подошел к матери, и та обвила руками его шею и прижалась сухими губами к виску. Ольга знала, что он уже виделся с ними, когда летал в Лондон на судебные заседания, где решалось, можно ли достоверно установить, что человек, запечатленный на видеозаписи, является Николасом Бериша. Наверное, все первые восторги встречи после долгой разлуки состоялись тогда. А, может,

Бериша смущало ее присутствие. По крайней мере, родители приветствовали своего сына хоть и с искренней любовью, но сдержанно и степенно. В первые мгновения они обращались к нему по-гречески, но затем, как требовали правила хорошего тона, перешли на понятный всем присутствующим английский, на котором говорили с мягким Лондонским выговором.

Семейный обед, для которого заказали столик в одном из ресторанов центра города, прошел спокойно. Мистер Бериша ел с аппетитом и продолжал осыпать Ольгу комплиментами. Его супруга почти не прикасалась к еде, но с благоговейной улыбкой наблюдала за тем, как обедает ее драгоценный сын. Ольга же не могла отделаться от мыслей, что только диким зигзагом судьбы ее могло занести за этот стол, в компанию к таким людям. Думала ли она, нищая забитая сиротка из постперестроечной Москвы, что однажды будет обедать в Лондоне с богатой и аристократической семьей? Могла ли себе представить это юная протезе Пороха, которую бил головой об асфальт лейтенант Рогов? Да, в общем, и кровавой Фараонше, перед которой трепетали крутые мафиозные боссы, тоже было здесь не место.

В завершение обеда миссис Бериша отложила полотняную салфетку и сказала, обращаясь к Николасу:

– Сынок, вам с отцом нужно заехать к мистеру Уокеру, осталось еще кое-что уладить.

– Хорошо, – покладисто отозвался ее сын. – Только про-

вою Ольгу до отеля.

– Нет, поезжай сейчас, – настояла мать. – А мы с Ольгой прогуляемся. Хоча показать ей Рождественский Лондон.

Николас неуверенно взглянул на Ольгу, та же качнула головой – мол, поезжай и ни о чем не беспокойся. Было ясно, что миссис Бериша вознамерилась допросить свою «невестку», и от этого намерения не отступится.

– Ольга, у вас в России, кажется, новый год отмечают шире, чем Рождество? – обратилась она к ней.

– Да, это так, – кивнула Ольга. – И Рождество у нас отмечается 7 января, а не 25 декабря, как в Европе.

– Тогда, думаю, вам тем более будет интересно, – подытожила миссис Бериша и поднялась из-за стола.

Лондон был богато украшен к приближавшемуся Рождеству. В сгущавшихся сумерках светились золотыми огнями протянутые между домами гирлянды и фигуры ангелов. Тянули усыпанные блестящими шарами и фонариками ветки к пасмурному британскому небу новогодние елки. На раскинувшейся посреди улицы рождественской ярмарке шумела радостная толпа, девчонки в колпачках Санта-Клаусов пели что-то. А впереди, по белоснежному льду городского катка скользили фигуры в разноцветных курточках. Пахло хвоей, эгг-ногом, свежей сладкой выпечкой и праздником.

Миссис Бериша, неторопливо шагавшая рядом с Ольгой, наконец, заговорила. Обернула к ней свое до сих пор красивое, горделивое лицо и произнесла:

– Так чем же вы занимаетесь, моя дорогая, позвольте поинтересоваться?

Разноцветные блики уличных огней путались в ее уложенных в классическую прическу волосах. Ольга почувствовала, как заныла поясница. В последние дни такое случалось – ходить ей было уже тяжело, и во время прогулки начинало иногда прихватывать живот или спину.

– Думаю, вы в курсе, чем я занимаюсь, – отозвалась она. – У меня свой бизнес, грузоперевозки.

– Что же такое вы перевозите, что вам временами приходится прятаться от полиции? – вскинула точеные брови миссис Бериша.

– Вы действительно хотите это обсудить? – хмыкнула Ольга. – Не бойтесь, что вас впоследствии привлекут к ответственности за укрывательство?

Миссис Бериша пропустила шпильку мимо ушей. Остановилась у одного из ярмарочных лотков, увитого припорошенными фальшивым снегом еловыми ветками, и попросила налить ей стакан горячего шоколада.

– Будете? – спросила она Ольгу.

Та покачала головой и, пока мать Николаса отвернулась, просунула руку под просторное пальто, скрывающее живот, и потеряла поясницу.

– Ольга, Николас – археолог, – снова заговорила миссис Бериша, когда они двинулись дальше по охваченной преджественским весельем улице. – Ученый. Он не может

существовать в ограниченном пространстве. Ему нужно ездить в экспедиции, на раскопки, изучать найденные артефакты, летать на конгрессы для ведущих специалистов в его области. Если лишить его любимого дела, он никогда не будет счастлив.

Гречанка говорила мягко, вкрадчиво, и Ольга, несмотря на то, что уловка эта была весьма прозрачна, чувствовала, что слова матери Николаса задевают ее, бьют прямо в цель. «Никогда не будет счастлив...» И виной тому она.

– Послушайте, я ни к чему Николаса не принуждала. Он совершенно свободен, – сухо отозвалась она и судорожно сглотнула.

Поясницу снова пронзило болью. Жаловаться на здоровье холодной гордой леди не хотелось, и Ольга, сделав вид, будто заинтересовалась безделушками на одном из ярмарочных лотков, остановилась и украдкой перевела дыхание.

– Я верю, – миссис Бериша тронула ее за руку. – Верю. Но вы же знаете, у любимой женщины есть более тонкие способы добиться своего. Если бы вы убедили Николаса вернуться к прежней жизни...

– Я пыталась, – сквозь зубы пробормотала Ольга.

Боль, от которой еще секунду назад сыпались искры из глаз, теперь отступила, и она снова пошла вперед, лавируя между хохочущих, распевających и обнимающихся лондонцев.

– К тому же, не забывайте, у нас скоро будет ребенок. И от

него Николас никогда не откажется.

– Да, он порядочный мальчик, – с гордостью произнесла гречанка. – Но у меня есть к вам предложение. Ольга, подумайте, какой образ жизни вы ведете. Постоянно в опасности, постоянно на грани. В любой момент вам может потребоваться пуститься в бега, скрываться. Какой бы серьезной охраной вы себя не окружили, всегда есть шанс, что к вам явятся ваши... враги или полиция. И последствия могут быть страшными.

Голос железной дамы дрогнул. И Ольга задумалась, действительно ли ее так волнует научная карьера Николаса, или она просто боится, что, оставаясь рядом с ней, тот подвергается ежедневной опасности. Наверное, и то, и другое. И понять миссис Бериша было можно. Ольга и сама отдала бы все заработанное, да что там, не раздумывая, отдала бы свою жизнь, лишь бы быть уверенной, что Нику ничего не угрожает. К сожалению, даже если она прогонит его, гарантировать это теперь, когда все, наверняка, уже в курсе, что у Фараонши завелся любимый человек, будет невозможно. В каком-то смысле, Николасу даже менее опасно было находиться рядом с ней, под присмотром ее охраны, чем быть вдали от нее, где его в любой момент могли бы схватить, чтобы оказать на нее давление.

– Как вы считаете, – тем временем продолжала миссис Бериша, – хорошо ли ребенку расти в такой обстановке?

– Я не совсем понимаю вас... – настороженно произнесла

Ольга.

И снова ее скрутило болью. На этот раз такой сильной, что на висках выступила испарина, и в сердце словно бы вогнули тонкую иглу.

– Ольга, оставьте ребенка Николасу, – взглянув ей в глаза, неожиданно произнесла миссис Бериша.

Мимо пронесся подросток в костюме рождественского эльфа. За ним – девушка с оленьими рожками на голове. Рядом, сверкая огнями, медленно кружила карусель под атласным алым шатром. Дети, оседлавшие деревянных лошадок, весело смеялись и махали руками в варежках оставшимся на тротуаре родителям. Из динамиков лился Jingle Bells.

– Я обещаю вам, что малыш вырастет в моем доме. Что он ни в чем не будет знать отказа – лучшие учителя, школы, репетиторы. Он поступит в Кембридж или Оксфорд. Попадет в британские аристократические круги. И дело не только в этом. Поверьте, больше внимания, тепла и любви, чем в нашем доме, ребенок не получит нигде. Мы с Генти будем заботиться о нем так же, как всегда заботились о Николасе. А вы будете свободны, у вас будут развязаны руки. Разумеется, вы сможете приезжать, когда захотите, навещать вашего сына или дочь. Мы не станем вас разлучать, наша цель – благо малыша...

Ольга изо всех сил ухватилась за перила крыльца какого-то магазина. Все тело ее свело судорогой, вдоль позвоночника поползла струйка пота.

В словах миссис Бериша была своя правда. Конечно, ребенку лучше будет расти в спокойной обстановке, в любви и тепле. Конечно, ему ни к чему видеть те сцены, что иногда случаются в ее жизни. И жизнь у Бериша, разумеется, откроет самые блестящие возможности. К тому же у Ольги были большие сомнения относительно того, что она вообще способна быть матерью.

Но все эти соображения перекрывались воспоминаниями о нищей, одинокой, неприкаянной жизни у мамы Люды. О насмешках «Сирота без роду, без племени, подкидыш! Кому ты нужна!» О единственном дорогом воспоминании, где мать играет с ней, обнимает, ласкает, бегают наперегонки, которое она себе разрешала извлекать из памяти очень редко, чтобы не раскиснуть, хранила, как сокровище, ценнее которого у нее ничего не было.

Нет, она сама жила сиротой, и никого не обречет на эту участь.

– Нет! – твердо произнесла Ольга. – Нет. Ребенок будет расти со мной.

И тут уже не сдержалась, хрипло застонала и согнулась, когда тело прошел очередной приступ боли. Миссис Бериша отреагировала мгновенно:

– Спокойно! Спокойно, моя дорогая, без паники. Началось.

– Как началось? – охнула Ольга. – Еще две недели.

– Видно, сыну Николаса не терпится сунуть свой любо-

пытный нос в этот мир, – улыбнулась миссис Бериша, уверенно ведя ее сквозь толпу к стоянке такси. – Весь в отца.

А Ольга еле слышно шепнула ей в спину:

– Дочери...

Они еще не говорили родителям Николаса о том, что родится дочь.

В такси миссис Бериша, мгновенно утратившая всю свою аристократическую холодность и величавость, отирала Ольге пот со лба, позволяла вцепляться во время схватки в собственные покрасневшие и распухшие руки и ласково журчала над ухом:

– Все хорошо, все хорошо, милая. Не волнуйся, время есть. Все в порядке, в клинике нас уже ждут.

– Позвоните Николасу, – успела крикнуть ей Ольга, когда подхватившая ее в приемном покое больницы медицинская бригада, усадив ее в кресло каталку, повезла в родильное отделение.

А через несколько часов Николас Бериша, не в силах сдержать слезы умиления и восторга, уже прижимал к груди крохотную девочку в натянутой на лысую головку розовой трикотажной шапочке. Ольга, изможденная, усталая, но при этом взбудораженная эндорфиновым выбросом, наблюдала за ними сквозь полуприкрытые веки. Малышка жевала пухлыми губами и щурила на Николаса пока бессмысленные мутные глазки.

– Она похожа на тебя, – шепнул тот, опускаясь с ребенком на руках на край Ольгиной кровати. – Такая же красавица.

– Не выдумывай, – отмахнулась Ольга. – Она – вылитая ты. Надеюсь, и характером тоже.

Тут малышка сморщила маленькое круглое личико и разразилась ревом, то ли подтверждая слова матери, то ли решительно протестуя против них. Николас совершенно растерялся. Вскочил, затряс ребенка, принялся напевать что-то.

– Дай ее мне, – попросила Ольга.

И, приняв сердитую малышку на руки, приложила ее к груди, где та тут мгновенно успокоилась.

– Как мы ее назовем? – спросил Ник, заморожено глядя, как дочь упорно, жадно сосет молоко.

И Ольга ответила:

– Мария... Маша...

С того дня прошло больше года, а Ольга до сих пор была не уверена, что из нее получилась хорошая мать. Ей доставляло удовольствие наблюдать за Марией, с удивлением следить за тем, как из беспомощного бездумного свертка растет и развивается человек. Со своим характером (довольно вздорным, если быть честной), со своими вкусами и интересами. Зато разнообразные детские игры, книжки, потешки, пирамидки совершенно ее не интересовали. Ей приходилось сделать над собой усилие, чтобы заняться с дочерью чем-то подобным. К счастью, рядом всегда был Николас, который

погрузился в отцовство с головой и с радостью брал все развлечения Марии на себя.

Ольга понимала, что любит дочь безмерно, сильнее, чем кого бы то ни было на свете. И в то же время ясно осознавала, что матерью-наседкой, умиляющейся каждому писку своего ребенка, ей никогда не стать. Оставалось надеяться, что позже, когда Мария подрастет и станет интересным собеседником, им проще будет найти общий язык.

Малышка уже в год отличалась неумным своевольным характером. Не терпела отказа и стремилась всегда настоять на своем. Однажды забралась к Ольге в спальню и стащила с комода выцветшую от времени куклу в обветшавшем платье. Ту самую, что объездила с суровой Фараоншей полмира. Ольга ласково, но твердо отобрала игрушку у Марии, чем вызвала приступ рассерженного рева. Прибежавший на шум Николай, подхватил дочь на руки и укоризненного взглянул на Ольгу.

– Что тебе, жалко? Пусть поиграет... – и заворковал, обращаясь к всхлипывавшей малышке. – Мама не хочет делиться игрушкой. Жадная мама...

– Однажды она все равно достанется ей, – усмехнулась Ольга, думая о своем. – Только позже, когда подрастет и поймет, что с ней делать.

Сейчас, проезжая на темном тонированном автомобиле границу Азербайджана и Турции, в ожидании, когда погра-

ничники проверят документы и пропустят кортеж, Ольга то и дело косилась на каштановую макушку дремавшей в детском автомобильном кресле девочки. Она и в самом деле была очень похожа на Николаса – та же открытая улыбка, те же глаза цвета морской волны. Уже сейчас было ясно, что в будущем Мария станет красавицей. Но вот несгибаемый характер и стальную волю все-таки унаследовала от матери.

До сих пор она жила так счастливо, как только может жить ребенок двух обожающих его богатых родителей. И Ольга бы все отдала, чтобы эта идиллия продлилась, как можно дольше. Но теперь они возвращались в Турцию, и все должно было измениться. Как – было пока не понятно. Но Ольгу, когда она смотрела за окно, наконец, двинувшейся машины, не отпускало тревожное чувство.

2.

Олег Рогов закрыл на рабочем компьютере папку с фотографиями, поднялся из-за стола в своем кабинете и открыл шкафчик, располагавшийся позади. Тут, в центральном отделении, стоял хрустальный графин с коньяком, разнокалиберные бутылки с другим алкоголем, стаканы и рюмки. Обычно Олег открывал заветный шкафчик, когда хотел угостить оказавшихся у него в кабинете высокопоставленных посетителей или друзей-коллег. Разрядить обстановку, перевести деловое общение на более неформальный, расслабленный уровень. Но сегодня в кабинете он был один.

Олег достал графин, вытащил круглую стеклянную пробку, сжал ее в кулаке, вдохнул исходящий из горлышка терпкий коньячный аромат. Затем, подумав, убрал графин обратно, пошарил на полке и достал из дальнего угла бутылку обычной водки. Плеснул в стакан сразу на треть, залпом осушил его, крикнул, поморщился. Затем вернулся за стол, где, в ноутбуке, и содержались проклятые фотографии, заставившие его, серьезного взрослого мужика, полковника ФСКН, пьянствовать посреди рабочего дня. Фотографии, на которых Ольга Котова выходила из машины вместе со своим любовником Николасом Бериша, державшим на руках их годовалую дочь.

Как могло получиться, что гребаная Фараонша снова от него ускользнула? Ведь на этот раз, казалось, все было на мази. Да, упрятать Котову за ее наркоторговлю не представлялось возможным, слишком высоко забралась за последние двадцать лет норовистая соплячка. Но у Рогова на руках было заявление о похищении человека, гражданина Евросоюза. И не было никаких сомнений в том, что организовала это похищение она. Просто невероятно, что ей опять удалось выйти сухой из воды.

Два года назад Олег Рогов был очень удовлетворен встречей с родителями Николаса. Он успел вовремя, вылетел в Лондон сразу из Греции и застал чету Бериса-Казантакис, только что узнавшими об исчезновении единственного сына и пребывавшими от этой информации в полном шоке. По счастью, их адвокат во время встречи застрял на дороге, кто-то, как по заказу, въехал в его машину, и Олег смог завязать разговор с Бериша до его приезда. Ему отлично удалось мягко и ненавязчиво запугать эту задиравшую нос леди и убедить ее написать заявление о пропаже сына. А когда на пороге объявился семейный юрист мистер Уокер, Олежек уже спешил обратно в гостиничный номер. Для чего сдался Котовой серфер-археолог было пока не ясно, но выяснение этих подробностей можно было оставить на потом. Сейчас главным было начать розыск, в результате которого Ольгу можно будет призвать к уголовной ответственности. А там, глядишь, и повязанные с ней сильные мира сего пересмот-

рят их отношения и решат, что впрягаться за русскую преступницу, которую схватил Интерпол, им не так уж и интересно. Тем более, в Турции, где последние годы проживала Котова, очень своевременно началась политическая заварушка, и министр, оказывавший Фараонше покровительство, в мгновение ока лишился должности и сам едва унес оттуда ноги.

О пропавшем Николасе Бериша было сообщено в интерпол, кроме того Олег подкинул западным коллегам сведения о том, что в похищении гражданина Британии греческого происхождения подозревается российская бизнес-вуман Ольга Котова, владелица крупной международной транспортной компании «New Way». Допуск к работе по этом делу и разрешение на сотрудничество с иностранным ведомством тоже удалось выбить. В общем, Рогов решил, что ему наконец-то, после стольких лет безуспешного преследования Фараонши, подфартило.

Когда удалось выяснить адрес, где расположена была вилла Котовой, Олег едва сальто не сделал, вспомнив спортивную юность. Теперь, когда на руках у него были все документы, он мог заявиться туда вместе с представителями Интерпола и местным нарядом полиции. Изначально – для допроса подозреваемой, а дальше уж, как пойдет. Возможно, удастся сразу арестовать ее и депортировать из Турции для дальнейшего разбирательства на территории страны, против которой совершено преступление.

Конечно, заковывать Ольгу в наручники и определять в тюрьму будут другие. Если еще получится это сделать, ведь эта наглая тварь может нанять себе лучших адвокатов и отмазаться за недостаточностью улик. Но Олегу очень хотелось верить, что на этот раз она вляпалась крепко и выйти сухой из воды у нее не получится.

А он все время будет рядом, и она, разумеется, узнает его. Он выбьет себе разрешение на проведение допроса. И это будет лучшим вознаграждением за все те годы, которые он потратил на безуспешные попытки стереть эту ядовитую гадину с лица земли. А когда он представит Интерполу собранные на нее за эти годы материалы, когда докажет, что Ольга Котова, все еще гражданка России, между прочим, хотя и получившая второе, Турецкое, гражданство, является главарем наркокартеля, перегоняющего сырье для героина из азиатских стран в Россию и Европу, то, кто знает, возможно удастся добиться того, чтобы Котову выдали Российским властям и чинили над ней суд на Родине. Вот тут уж он расквитается с ней за все.

Когда Олег выпрыгнул из автомобиля, остановившегося у глухого забора виллы в пригороде Стамбула, внутри у него все трепетало. Вот он, день, которого он ждал почти двадцать лет! День расплаты, день, когда справедливость восторжествует. Станным показалось лишь то, что никаких признаков жизни и-за забора не показывалось. Помощник

прокурора, имевший на руках санкции на допрос подозреваемой и обыск ее дома, позвонил и потребовал открыть ворота, однако никакой реакции на это не последовало. Охранников в будке у входа тоже не оказалось. И у Олега внутри зародилось страшное подозрение. Что, если он опоздал? Опять...

Турецкую сторону очевидно не очень волновало похищение какого-то британца, их гораздо больше интересовало, действительно ли неподалеку от Стамбула расположился центр, руководивший огромным наркосиндикатом. Старший по званию отдал команду, вооруженный отряд полиции, перемахнув забор, ввалился на территорию поместья. Через некоторое время ворота открыли изнутри. Но к этому моменту Олег уже понял, что все зря. Что Ольги на вилле уже нет, и, разумеется, никаких улик, позволяющих доказать ее преступную деятельность, она, уходя оттуда, не оставила.

Через несколько минут он уже бродил по густому саду, среди серебристых олив, строгих кипарисов и смолистых сосен. Осматривался по сторонам и думал, чего ради Котова развела в своем поместье такие ботанические уголья? Из любви к природе? Да нет, вряд ли. Сложно представить себе сентиментальную мафиозную лидершу. Скорее всего, основная функция этого сада была в том, чтобы закрыть обзор любопытствующим. Декоративный прудик с фонтанчиком... Интересно, скольких неугодных Фараонше бедняк здесь утопили, как племянника Белова на Миконосе?

Оказавшись в доме, где сейчас орудовала вооруженная бригада полиции и кинологи со служебными собаками, вынуживавшими, не окажется ли в здании следов опиатов, Рогов принялся жадно всматриваться во все, что открывалось глазу. Мебель, отделка стен, безделушки, книги. В отличие от турецкого коллеги, развившего бурную деятельность, ему уже ясно было, что никаких документов, никаких электронных носителей с данными, они тут не найдут. И, чтобы заглушить разливавшееся внутри едкое разочарование, оставалось только вглядываться в детали, добавлять штришки к давно нарисованному мысленно психологическому портрету Ольги и надеяться, что однажды что-нибудь из собранных, с виду бесполезных, сведений поможет ему ее поймать.

Вот, например, неплохая библиотека в кабинете. Что это означает? Что Ольга любит читать? Стремится заполнить пробел, заложенный нищим детством и спортивным отрочеством, когда времени на занятия практически не оставалось? Но кто покупает бумажные книги сейчас, когда все, что угодно, можно скачать в электронном виде? Возможно, тот, кто хочет произвести впечатление на гостей, показаться не только бескомпромиссной мафиози, но и интеллектуалкой? Или это женщина, которая, несмотря на дикий образ жизни, внутренне тяготеет к дому, к родовому гнезду, со степенным укладом и традициями. Вон как любовно выбраны все тома – хорошие издания, качественные обложки. Что, Котова, дворняжка без роду, без племени, раскрыл я

твою тайну?

Олег ходил по дому, прикасался руками к стенам, гладил обивку кресел, щупал пальцами покрывало на кровати. Здесь была ее спальня. На эти подушки она опускалась, уставшая от дневных трудов, здесь лежала ее обрамленная дивными золотыми волосами голова. Что снилось ей, безжалостной Фараонше, ночами? Да уж никак не Олеженька Рогов, которого она когда-то огрела ботинком. Точно не он.

Вот с этого балкона смотрела на разгоравшийся над Стамбулом новый день. Интересно, бывало ли ей тревожно в такие минуты? Думала ли она о том, что он принесет ей?

В этот кабинет, потея от страха, входили ее многочисленные контрагенты, так или иначе вовлеченные в деятельность гигантского картеля. А она принимала их, сидя вот за этим столом. Гордая, холодная, жестокая, властная. Настоящая волчица, истинная дочь своего отца.

А что же у нас вон в том небольшом строении? Гостевым домиком Олег занялся только после того, как осмотрел большой дом и гараж и, как и предполагал, ничего не нашел там. Маленький уютный уголок в дальней части сада. Для чего он был Ольге? Что-то сомнительно, чтобы у нее часто собирались шумные дружеские вечеринки, после которых гости остаются ночевать, а то и пожить день-два. Уж не там ли держали похищенного Николаса Бериша? Если так, то узнику сильно повезло. Такой комфорт встретишь не во всех фешенебельных отелях.

Олег прошелся по комнатам гостевого домика – гостиная, спальня, кабинет. Изнутри поднималось ощущение, что если он и найдет что-то в этом опустевшем поместье, то именно тут. Рогов насторожился, как ищейка, даже принюхался, опустившись на четвереньки, принялся всматриваться в углы, в стыки паркетных досок, в узкие щели под мебелью. И нашел, нашел, черт побери. В углу гостиной, на полу, засохшие коричневые пятнышки, подозрительно похожие на кровь. Он тут же позвал турецких полицейских, обратил их внимание на то, что нужно взять образцы и отправить их в лабораторию. Наверняка это окажется кровь Бериша, что подтвердит, что его держали именно здесь. А даже если и нет... Возможно, ДНК совпадет с данными какого-нибудь давно числящегося в висяках трупа.

Что же произошло здесь совсем недавно? Откуда эта кровь? Она истязала своего пленника, издевалась над ним? Не похоже на Котову, она вроде никогда не была склонной к садизму. Правда, раньше она и таких заметных, принадлежащих к обеспеченной семье с аристократическими корнями, граждан Евросоюза не похищала...

Как бы там ни было, теперь можно было сказать, что на виллу под Стамбулом Рогов приехал не зря. Пускай ему не удалось присутствовать при аресте Котовой, он все же на правильном пути.

Когда через несколько дней экспертиза подтвердила,

что ДНК крови, найденной в поместье Ольги, совпадает с данными Николааса Бериша, Олег снова полетел в Лондон. Теперь, когда у него на руках неоспоримые доказательства, Бериша будут еще более разговорчивы. Он намекнет им, что их сын может быть ранен, что с ним, вероятнее всего, обращаются вовсе не так бережно, как он утверждал в своем сообщении. И любящие родители дрогнут и начнут активнее сотрудничать с полицией.

Однако, прибыв к дому семьи Бериша-Казанткис, Рогов снова оказался перед запертой дверью. Только в этот раз, в отличие от Турции, люди за этой дверью безусловно были, но не желали ему открывать.

– Это полковник Рогов, из России, – веско говорил он в интерком. – У меня есть новости о вашем сыне.

– Мы не станем с вами разговаривать, мистер Рогов, – донесся из динамика ледяной голос миссис Бериша. – Пожалуйста, уходите, иначе я вынуждена буду вызвать полицию.

– В чем дело? Почему вы не хотите сотрудничать? разве вы не заинтересованы в том, чтобы ваш сын вернулся домой? – взывал к ней Рогов.

Но все было тщетно. Больше миссис Бериша ответом его не достаивала. Зато вскоре объявился мистер Уокер, адвокат семьи Бериша, и Олег понял, что вести дела с состоятельными и высокопоставленными европейцами – вовсе не то же самое, что с простыми смертными.

– Все показания, которые мистер и миссис Бериша дали

вам во время вашего прошлого визита, будут опротестованы, – сообщил ему высокий англичанин с постным лицом, широкими бакенбардами и маленьким подбородком с ямочкой посередине. – Процедура была проведена с вопиющими нарушениями. Вы не озаботились получить подписанную санкцию прокурора на допрос. На моих клиентов было оказано моральное давление. Таким образом, заявление о пропаже Николаса Бериша будет отозвано, и розыскные действия приостановлены. Так же довожу до вашего сведения, что если вы не прекратите досаждать моим клиентам, мы обратимся в суд и добьемся для вас запрета на приближение к членам семьи Бериша.

– Я не понимаю! – вскричал Олег.

Он был в бешенстве. Добыча, которая почти уже попала в сети, чьи трепыхания он, казалось, уже ощущал всей кожей, уплывала из рук. По непонятной причине! Ведь он действовал верно, он все рассчитал правильно. Что пошло не так? В чем он ошибся?

– Они что, не хотят увидеть сына живым и здоровым? Не понимают, что каждый час на счету? Их единственный отпрыск похищен. Похищен одной из самых опасных преступниц нашего времени. И один бог знает, что она сейчас с ним делает. У меня есть заключение экспертизы. В поместье Котовой обнаружены следы крови Николаса Бериша...

И эта бледная английская мумия ответила. Даже сейчас, почти два года спустя, вспоминая этот момент, Рогов гневно

сжимал кулаки.

– Это ошибка, – проблеял адвокат. – Николас Бериша не был похищен. Вы ввели его мать в заблуждение и заставили написать заявление. Но после этого молодой мистер Бериша уже связался с родителями и объяснил, что находится в отпуске вместе со своей любимой женщиной. Как совершеннолетний дееспособный гражданин он не обязан отчитываться о своем местонахождении, даже родителям. Что же касается его избранницы – ничего о ее преступной деятельности нам не известно. Если у правосудия Великобритании возникнут к ней вопросы, решать их она будет сама, семья Бериша не имеет к этому никакого отношения.

Любимая женщина... Избранница... Эти слова, которые адвокат проямлил своим постным голосом, словно огрели Рогова по голове. Так, значит, вот что на самом деле произошло? Вот зачем Ольга увезла тупоголового серфера с собой? Да он знал, что на Миконосе она завела с ним короткий романчик. И прекрасно понимал, что сделала она это – чтобы не выделяться из пестрой, расслабленной, безмятежной толпы отдыхающих. Должно быть, этот известный в компании экстремальной молодежи ловелас пристал к ней, и Котова поняла, что, слишком активно сопротивляясь, привлечет к себе ненужное внимание и подозрения. Николас Бериша был красив, богат, обласкан девушками. Чтобы дать ему решительный отказ, требовались веские причины. Но Олег и на секунду не мог допустить мысли о том, что Ольгу связы-

вает с Николасом нечто большее, чем несколько проведенных вместе ночей, на которые она согласилась ради того, чтобы ничто не помешало ей воплотить планы в жизнь.

Что же произошло между ними в действительности? Ольга что, каким-то невероятным образом прониклась чувствами к пустому месту, к ничтожеству, которые собиралась просто использовать? Чушь! Этого не может быть! Олег потратил двадцать лет жизни на то, чтобы убедиться: Ольга Котова – холодная бесчувственная социопатка. И никакие человеческие эмоции ей не знакомы. Видимо, этот Николас Бериша оказался не так прост. Каким-то образом убедил ее не убивать его и помочь выпутаться из ситуации. Может быть, оказался чем-то полезен... А эту сказку про любовные отношения сочинил адвокат.

Именно это говорил себе Олег в следующие два года, в которые Ольга, очевидно решившая залечь на дно, не появлялась на горизонте. Бизнес ее по-прежнему работал, поставки не прекращались – это он знал хотя бы потому, что в Москве за это время не раз задерживали дилеров с крупной партией наркотических веществ. Но о самой Фараонше слышно не было. И где она находилась, Рогов не мог выяснить даже по своим министерским каналам.

Зато посмотреть на таинственного Николаса Бериша ему удалось. Он специально прилетел в Лондон еще раз, в день, когда должно было проходить судебное заседание, в результате которого присутствие Николаса Бериша на видеозапи-

си с камеры наблюдения на вилле убитого Белова было обжаловано. Дело о пропавшем гражданине Евросоюза Николасе Бериша тоже по итогам его появления было закрыто, а это означало, что и к Ольге у западных коллег больше не будет никаких вопросов. Оставалось только надеяться, что они с этого момента будут держать ее на заметке, как человека, на которого уже поступало заявление.

Разумеется, сам никаких вопросов Николасу он задать не мог. Но на заседании поприисутствовал – из чистого любопытства. Интересно было, что же там за изворотливый тип такой, что сумел саму Фараоншу заставить действовать в своих интересах? Увиденное никакой ясности в ситуацию не внесло. Николас показался Олегу ничем не примечательным, смазливый малым. Довольно обаятельным, надо признать, но и только. Пустышка! Представить себе, что у него могут быть какие-то дела с Котовой, было немыслимо. И Рогов решил отнести эту странность в раздел загадок, которым пока объяснения нет, но рано или поздно оно обязательно найдется.

Что ж, теперь оставалось только ждать, когда Ольга снова объявится на горизонте. А в том, что она объявится, Олег не сомневался. Терпения ему было не занимать, за двадцать лет накопился огромный запас. А интуиция подсказывала, что снова Ольга выйдет из тени в Турции, когда там улягутся политические беспорядки. За те годы, что она обреталась там, Олег сумел завести себе местного информато-

ра, подзалетевшего на поставке наркоты в клубы Стамбула. И в этот раз наказал ему тут же выйти на связь, как только появятся какие-то новости о Котовой. Парень молчал почти два года, и вот сегодня прислал эти фотографии.

Олег снова пододвинул к себе ноутбук и, хрипло кашлянув, открыл папку с фотографиями. Снимки были сделано издалека, и на большинстве различить можно было только силуэты. Но несколько фотографий, где удалось сделать более крупные планы, не оставляли сомнений: это Котова. Котова выходящая из машины, Котова, держащая на руках ребенка. Олег всмотрелся в снимок – девочка, возраст около года. Представить себе, чтобы Фараонша стала нянчиться с чужим младенцем, было невозможно. Значит, вот куда она пропадала? Родила? Это настолько не вязалось с сформировавшимся у него в голове образом, что Олег еще некоторое время искал иные объяснения происходящему на снимке, пока не вынужден был признать: это ее дочь, ничего другого быть не может.

У самого Рогова детей не было. Он пытался было однажды поиграть в семью, женился на высокой блондинке, чем-то отдаленно смахивающей на Олю Котову. И в минуты исполнения супружеского долга любил воображать, что это нестигаемая Фараонша стонет и охает, когда он накручивает на руку ее бледно-золотые шелковистые волосы. Однако супруге его предпочтения не нравились, она вечно винила его за грубость, жаловалась на остававшиеся после секса синяки. И од-

нажды Олег, перебрав после очередной провальной попытки сцапать Котову, сорвался и жестоко избил жену. И каждый раз, занося кулак, видел перед собой надменное лицо Ольги, ее презрительно сощуренные глаза и кривящиеся в усмешке губы. Супруга после этого случая сбежала от него к родителям и подала на развод, и Олег даже вздохнул с облегчением, когда все бумаги были подписаны. Ему нравилось думать, что это у них с Фараоншей общее – они не созданы для семьи, в каком-то смысле, они друг для друга – самая постоянная, самая преданная связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.